

О СТАНОВЛЕНИИ ПРОЗАИЧЕСКИХ ЖАНРОВ РОМАНА И ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Становление русского реализма было связано более всего со становлением прозы, которое начиналось с малых жанров «натуральной школы» (очерк, рассказ, «физиологический очерк») и с повестей. Своего расцвета реалистическое творчество русских писателей XIX века достигло в жанре социального романа. Еще в начале XIX века выдающийся русский критик Н. И. Надеждин понял и оценил значение и перспективность этого жанра. Его внимание к жанрам романа и повести в то время, когда еще не отжило свой век романтическое направление, выражавшее свое характерное восприятие жизни и передававшее его посредством поэзии, представляет собой замечательное явление в истории русской эстетики и критики.

Нам уже привычно утверждение, что теоретиком русской реалистической прозы, закрепившим ее становление в 30—40-е годы XIX века, был великий русский критик В. Г. Белинский. Однако в истории русской критики уже до Белинского отмечали наличие тенденции к реалистической прозе, объяснялись истоки и закономерность этой тенденции. Развитие прозаических жанров, знаменующее собой поворот от романтизма к реализму, выдвигается в качестве ведущей перспективы литературы в самом начале 30-х годов Надеждиным. Общность взглядов Надеждина и Белинского по этому вопросу наиболее заметна, и сходство их мыслей просто бросается в глаза. Надеждин прямо предваряет Белинского с его статьей «О русской повести и повестях г. Гоголя» вплоть до обзора 1847 года.

Среди наиболее перспективных прозаических жанров Надеждин особо выделяет роман. «Нет никакого сомнения, что роман составляет не прихоть, а потребность современного возраста творческой деятельности», —

пишет он в статье о «Рославле» Загоскина. Это происходит в силу ряда причин, кроющихся в самой природе жанра, который лучше всего способен отразить жизнь. 30-е годы начинают тот период времени, когда, по характеристике Белинского, «только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед». Выдвигалась задача всестороннего показа действительности в литературе, и в этом была почти единственная возможность развития общественной мысли. И Надеждин хорошо понимал особенности своего времени, которое «ничто не принимает на веру», «глядит и оглядывается беспрестанно».

Не «рабская копия действительности», а «вольное ее воспроизведение», соединяющее фантазию с «высочайшей истиной», требуемой от поэзии, — таковы должны быть свойства литературы нового времени, считает критик. Поэтому сообразность с жизнью, «или истина», «должна... для нее быть не обязанностью, а естественной принадлежностью». Иначе говоря, жизненная правда становится внутренним двигателем литературы, а не просто формой, в которую облакаются те или иные стремления автора. Роман наиболее соответствует такому направлению.

Из трех форм поэзии: эпической, лирической и драматической — больше всего отвечает характеру современной жизни, — утверждает Надеждин, — драматическая форма. «Но ее подчинение сценическим условиям не представляет фантазии довольно простора, в коем она могла бы свободно разбрасывать свои вольные картины безбрежного океана жизни. Потребны были рамы гораздо обширнейшие: и Вальтер Скотт угадал их. В них оправлены все его творения, известные под именем романов».

Роман объединяет в себе, говорил Надеждин, все достоинства отдельных

форм, поэзии: лирики, эпоса и драмы, удовлетворяя тем самым с художественной стороны потребность всеобъемлющего отражения жизни. Кроме того, в романе, как нигде, заключаются возможности для изображения широкого исторического полотна, которое уже само по себе является богатым материалом для воплощения жизненно важных идей в самых разнообразных формах государственной жизни, быта, внутреннего мира людей и т. д.

В статье Белинского «О русской повести...», напечатанной в «Телескопе» № 7, 8 за 1835 год, находятся замечания такого же порядка.

Ни один из современных исследователей не констатирует сходство мыслей Белинского в этой статье с мыслями Надеждина, которые были высказаны раньше. В комментариях к трехтомному собранию сочинений Белинского (1948 год, комментарии М. Я. Полякова) говорится о споре Белинского в этой статье с Шевыревым. В полном собрании (1953 г., т. 1, комментарии В. С. Спиридонова) комментарий к этой статье очень короток и не касается истории замысла и написания статьи. А между тем это сходство демонстрирует преемственность критики великого русского демократа, идущую от Надеждина по одному из основных вопросов становления русского реализма.

Прежде всего у Белинского мы находим объяснение факта, который констатировался Надеждиным, господствующего стремления литературы к прозе, и к повести в частности. Надеждин пытается объяснить этот факт потребностями времени, и в своих истоках объяснение Белинского сходится с надеждинским. Оно заключается в признании обоими аналитического, исследовательского характера времени, стремящегося к познанию истины.

Оба сходятся в оценке значения Вальтера Скотта для современного направления поэзии. Как и Надеждин, Белинский считает Вальтера Скотта

гениальным родоначальником новой школы, которая становится «всеобщей и всемирной», «вторым Шекспиром», dokonчившим «соединение искусства с жизнью, взяв в посредники историю».

Считая, как и Надеждин, наиболее выразительной для реальной поэзии форму драмы, Белинский в то же время вместе с Надеждиным видит преобладание романа в движении современной литературы. Почему же так? Здесь имеют значение и объем, и возможность для передачи подробностей, подчеркивающих важность целого, и неограниченные рамки, не подчиненные стесняющим условностям. «...Тесные рамки драмы, прямо или косвенно, больше или меньше, но всегда покоряющейся сценическим условиям (ср. Надеждина—Т. Ч.), требуют особенной быстроты и живости в ходе действия и не могут допускать в себя больших подробностей, ибо драма, преимущественно перед всеми родами поэзии, представляет жизнь человеческую в ее высшем и торжественнейшем проявлении. Итак, форма и условия романа удобнее для поэтического представления человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни, и вот, мне кажется, тайна его необыкновенного успеха, его безусловного владычества», — заканчивает Белинский.

Сущность романа оба критика видят в одном и том же. Она заключается в художественном показе связей между человеком и условиями общественной жизни. «Предмет его (т. е. романа — Т. Ч.) не вольная поэзия уединенной души,— пишет Надеждин,— а мерная проза общественной жизни». Поэтому сердце представляется в нем не во всей эфирной свободе идеального самозабвения, а под игмом внешних житейских ограничений». Таким образом, мы видим у Надеждина стремление рассматривать прозаические жанры современности с позиций реализма, требующих обусловленности характеров обстоятельствами, а хода действия — характерами, как это

наблюдается затем у Белинского. Он пишет о том, что «давления, производимого внутренней тяжестью характеров, достаточно для того, чтобы приводить в движение весь механизм романа». В этих мыслях мы узнаем начальные компоненты всем известных реалистических критериев критики Белинского.

Сила воспитательного воздействия романа в отличие от сухого изложения исторических фактов, как можно сделать вывод из высказываний Надеждина, более действенна, ибо автор, «распоряжаясь событиями», создает «цельную картину, сообразную с предположенной идеею». Сравним у Белинского: поэт-художник проводит увиденные события через «душу живую», т. е. рисует их согласно своему восприятию и пониманию. Поэтому скучная картина жизни в произведении художника производит живейшее впечатление (например, «Старосветские помещики» Гоголя).

Необходимость изучения истории начиная с древнейших летописей, желание глубоко понять смысл исторического прошлого для того, чтобы оно, как говорил Белинский, объяснило настоящее и намекнуло о будущем, создает жанр исторического романа, получивший широкое распространение (Загоскин, Масальский, Н. Полевой, Свиньин, Лажечников и др.).

Белинский сходится с Надеждиным в особом подчеркивании роли исторического романа, когда пишет уже в 1847 году: «Сближение искусства с жизнью, вымысла с действительностью в наш век особенно выразилось в историческом романе». Здесь, однако, необходимо отметить более верный и глубокий взгляд Белинского на русскую историю. Уже в 1839 г. он отверг надеждинский скепсис по отношению к прошлому русского народа, и позиции Надеждина, утверждавшего отсутствие активной, богатой народной жизни и государственной значимости Руси до Петра Великого и выделявшего из этого периода лишь героический 1612 год,

противопоставил свое мнение: «Русская жизнь до Петра Великого имела свои формы — поймите их и тогда увидите, что она заключает в себе, для романа и драмы такие же богатые материалы, как и европейская». В этих словах Белинского есть прямая полемика с Надеждиным.

Понимая роман как исторический жанр, так как его широкая форма наиболее удобна для воспроизведения масштабных и длительных событий («роман — поэзия истории»), Надеждин оставляет события современности другому жанру, близкому к роману. Соответственно закономерному развитию литературного процесса, он отмечает «общее расположение к повести».

Повесть — это «живой эскиз, яркая черта, художественная выдержка из книги жизни». В отношении художественных достоинств она заключает в себе те же возможности, что и роман, и оценивать ее нужно по тем же критериям. «От романа она отличается только объемом». Историческая изобразительность, романтическое одушевление и живая деятельность, т. е. признаки всех форм поэзии (эпической, лирической и драматической) опираются в повести, как и в романе, на такую группировку действующих лиц, когда главный герой не затмевает всех остальных, но его черты резко характеристичны. «Прочие лица, не теряя своей самобытности, состоят с ним в более или менее тесных отношениях, с собственного ведома и произвола, или даже без ведома и произвола, но никогда без достаточных причин, находящихся естественное изъяснение в характере лиц или в ходе обстоятельств».

С тех же позиций рассматривает жанр повести и Белинский, который говорит, что это «распавшийся на части, на тысячи частей роман, глава, вырванная из романа».

Надеждин метафорически называет повесть «художественной выдержкой из книги жизни». Белинский дает великолепную характеристику жанра, используя этот надеждинский образ: «Ее форма может вместить в себе

все, что хотите — и легкий очерк нравов, и колкую сатирическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вместе, она перелетает с предмета на предмет,— дробит жизнь по мелочи и вырывает листки из великой книги этой жизни. Соедините эти листки под один переплет, и какая обширная книга, какой огромный роман, какая многосложная поэма составила бы из них! Что в сравнении с нею ваша бесконечная «Тысяча и одна ночь» или обильная эпизодами «Магаб'арата» и «Рамайана»! Как бы хорошо шло к этой книге заглавие «Человек и жизнь!».

Надеждин осознает перспективную глубину и важность такого явления, как повесть, он говорит, что повесть — это не «прозаический анекдот», в ней недопустим примитивизм как в характерах, так и в изложении, «азбучная нравственность» не может составить ее содержания.

Лучшими из русских повестей 30-х годов Надеждин считает повести М. Погодина «Черная немочь» и «Невеста на ярмарке» и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. В «Вечерах» критик подчеркивает в качестве их характерного достоинства прекрасную поэтизацию славянской народной сказочной фантазии. Повести Погодина, как он говорит, «от простых народных сцен переходят к усилиям решить важнейшие задачи умственного и нравственного человеческого организма».

Все, что было сказано о романе и повести Надеждиным, представляет собой лишь предчувствие умного и талантливое критика. Его статья о повестях русских авторов относится к 1832 году, когда не было еще ни «Миргорода» Гоголя, ни повестей В. Одоевского, Н. Полевого, Павлова, о которых говорится в статье Белинского. Литературным фактом стали только повести Марлинского и Погодина. И знаменательно, что высокой оценке Белинским повестей Погодина, в которых содержатся элементы реализма,

предшествовала оценка Надеждина. Более краткая и отвлеченная, она тем не менее представляет собой попытку найти этим повестям место в литературе соответственно их идейному содержанию, а главное, выделяет их как одно из лучших явлений в новой русской литературе.

Что касается Марлинского, то мнение Надеждина об этом писателе мы не можем считать предшествующим мнению Белинского. Здесь наблюдается обратное явление. Белинский первый глубоко и истинно оценил деятельность Марлинского сначала в «Литературных мечтаниях», а затем в статье «О русской повести...» и в рецензии на «Полное собрание сочинений А. Марлинского» в 1839 году.

Надеждин в своей статье говорит о преимущественно «дееписательном» характере русской повести, о почти полном отсутствии в России «философической» и «сентиментальной» повести, распространенной на Западе (Гофман, Тик и особенно Бальзак). Из общего числа критик выделяет произведения Марлинского, относя их, хотя и не безоговорочно, к повестям «философическим». «Только в прекрасных созданиях Марлинского, — пишет он, — иногда сверкает луч высшего, всеобъемлющего прозрения». В романтической идее повестей этого писателя Надеждин видит общечеловеческий философский смысл, который все же, по его мнению, не является характерным для Марлинского, а лишь иногда стихийно проявляется благодаря таланту автора. Этот взгляд не остался неизменным, и вполне вероятно, именно благодаря Белинскому. В 1834 году в «Молве» («Литературные мечтания») и в 1835 году в «Телескопе» («О русской повести...») Белинский резко снижает всеобщее восторженное отношение к Марлинскому. А уже через несколько месяцев, почти следом за статьей Белинского, Надеждин в своей статье «Европеизм и народность...» дает такой отзыв о Марлинском, который свидетельствует о явном упадке в его

глазах авторитета этого писателя. «Возьмите, н. п. прозу Марлинского,— читаем мы там,— в коей многие видят рассвет нового периода русской словесности, эта та же копия французской литературы, только не в прежней классической уборке осьмнадцатого, а в растрепанном, всклокоченном беспорядке девятнадцатого века». Слова «многие видят» в данном контексте означают мнение большого круга людей, в который Надеждин себя не включает. Наоборот, осуждение подражательного характера творческой манеры Марлинского, данное точно в русле борьбы критика против всего «лжеромантического» направления, говорит о том, что Надеждин не видит в Марлинском оригинальности своеобразного большого таланта. Русскую повесть начинает представлять для него именно Гоголь. Об этом свидетельствует библиографическая заметка, напечатанная в «Молве» 1834 года, о «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Не зазнались ли вы уже, почтенный Пасечник, от того, что в Библиотеке для чтения называют вас русским Поль-де Коком? Мы поставляем долгом в сем случае разрушить вашу гордость, если вы действительно возгордились: ибо между Поль-де Коком, пустым, наглым болтуном, и между вами, находим такую же бесконечную разницу, как между г. Кукольником и Байроном, хотя в Библиотеке для чтения сии два поэта ставятся на одну доску».

Этот факт, в ряду еще некоторых других, говорит нам о том, что Надеждин в лице Белинского имел такого сотрудника, который своими мнениями не только развивал достижения предшествующей критики, но уже и вел ее за собой, влияя на нее и меняя ее взгляды. В теории Надеждина имеет особенно важное значение то, что, взяв за основу литературного движения развитие прозаического жанра, он все же понял, что этот жанр служит новой литературе, и обосновал ряд его реалистических принципов.

Надеждин высмеивал старые нормы классицизма, боролся против неестественной натянутости романтического метода. Он ждал нового искусства, в котором нашло бы отражение единство всех сторон жизни, и находил в потоке современной литературы факты, свидетельствующие о начале такого отражения.

Т. ЧЕРНАЯ.